

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

МЛАДЕНЧЕСТВО.

„АЛКОНОСТЪ“

Петербургъ.

1918.

Издательство „АЛКОНОСТЪ“.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

МЛАДЕНЧЕСТВО.

„АЛКОНОСТЪ“

Петербургъ.

1918.

ВСТУПЛЕНІЕ
ВЪ ПОЭТИЧЕСКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ.

*Вотъ жизни длинная минея,
Воспоминаній палимпсестъ,
Ея единая идея —
Аминь встѣхъ жизней — въ розахъ крестъ.
Стройна ли тѣнь и самобытна
Или ничѣмъ не любопытна, —
Въ томъ спроситъ нѣкогда отвѣтъ
Съ перелазателя Поэтъ.
Размѣръ заветныхъ строфъ пріятенъ;
Герою были вѣренъ слогъ.
Не такъ поэму слышитъ Богъ;
Но ритмъ его намъ непонятенъ.
Согатъ и въ маломъ не хочу;
Мудрѣй иное умолчу.*

МЛАДЕНЧЕСТВО.

1.

Отецъ мой былъ изъ нелюдныхъ,
Изъ одинокихъ, — и невѣръ.
Стеля по мху болотъ родимыхъ.
Стальные цѣпи, землемѣръ
(Ту груду звучную, чья звеня
Досель изъ сумерекъ забвеня
Мерцаютъ мнѣ, — чей странный видъ
Все память смутную дивить), —
Схватилъ онъ сѣмя злой чахотки,
Что въ гробъ его потомъ свела.
Мать разрѣшенія ждала, —
И вышла изъ туманной лодки
На брегъ земного бытiя
Изгнанница — душа моя.

II.

Мнѣ сказывала мать, и лирѣ
Я суевѣрный тотъ разсказъ
Повѣдать долженъ: по Псалтири,
Въ полночный, безотзывный часъ,
Беременная, со слезами,
Она, молясь предъ образами,
Вдругъ слышитъ: гдѣ же?.. точно, въ ней—
Младенецъ вскрикнулъ!.. и сильнѣй
Опять раздался заглушенный,
Но внятный крикъ... Ей міръ былъ лѣсъ,
Живой шептаніемъ чудесъ.
Душой, отъ воли отрѣшенной,
Удивлена, умилена,
Пріяла знаменье она.

III.

Но какъ же знакъ истолковала?
Какой вѣщалъ онъ тайный даръ?
Не разумѣла, не пытала;
Но я возросъ подъ сѣнью чаръ
Ея надежды современной.—
На нѣкое благословенный
Святое дѣло... Можетъ быть,
Творцу всей жизнью послужить...
Быть можетъ, славить славу Божью
Въ еще невѣдомыхъ псалмахъ...
Мать ясновидѣла впотьмахъ,
Мірской не обольщалась ложью;
Но въ этомъ мірѣ было ей
Поэта званье всѣхъ милѣй.

IV.

Не романтизмъ (ему же въ мѣру
Она когда-то дань несла)
Въ ней говорилъ. Живую вѣру,
Народную, она спасла
Въ душѣ простой отъ заблужденій.
Съ наивнымъ опытомъ видѣній,
Съ безплотнымъ зрѣніемъ тѣней
По-русски сочетался въ ней
Духъ недовѣрчивой догадки,
Свободный, зоркій, трезвый умъ.
Но въ тишинѣ сердечныхъ думъ
Тѣ образы ей были сладки,
Гдѣ въ срѣтенье лучамъ Христа
Земная рдѣветъ красота.

У.

Ей сельскій іерей былъ дѣдомъ;
Отецъ же въ кремль ходилъ, въ Сенатъ.
Мнѣ на Москвѣ былъ въ дѣтствѣ вѣдомъ
Одинъ, другої священникъ — братъ
Ея двоюродный. По женской
И линія — Преображенскій;
И благолѣпіе люблю,
И православную кутью...
Но сироту за дочь лелѣять
Взялась нѣмецкая чета:
Къ нимъ чтицей въ домъ вступила та.
Отраднo было старымъ сѣять
Изящныхъ чувствъ и знаній сѣвъ
Въ мечты одной изъ русскихъ дѣвъ.

VI.

А дѣвой русскою по праву
Назваться мать моя могла:
Похожа поступью на паву, —
Кровь съ молокомъ, — она цвѣла
Такъ женственно-благоуханно,
Какъ сердцу русскому желанно.
И косы темныя до пять
Ей достигали. Говорятъ
Пустое все про „долгій волосъ“:
Разумница была она —
И „Несмѣяной“ прозвана.
Къ тому жъ имѣла дивный голосъ:
„Въ театрѣ ждали бъ васъ вѣнки“ —
Такъ сѣтовали знатоки.

VII.

Читали Библию супруги,
Усѣвшись чинно, по утрамъ.
Забыть и крѣпостные слуги
Не смѣли въ праздникъ Божій храмъ.
И на чепецъ сидящей дамы,
И на чтеца глядѣль изъ рамы
Румяный Лютеръ: одобрялъ
Ихъ рвенье Докторъ, что швырялъ
Чернильницей въ Весельевула,
Когда отваживался шутъ
Его ученый путать трудъ,
Надъ коиъ благочестье гнуло
Мужской, съ височками, парикъ
И вялый, добрый женскій ликъ.

VIII.

Съ осанкою иноплеменной
Библейскій посѣщали домъ
То квакеръ въ шляпѣ, гость надменный
Учтиво-чопорныхъ хоромъ,
То менонитъ, насельникъ Юга.
Часы високаго досуга
Хозяинъ, дерптскіи богословъ,
Всѣ посвящаль наукѣ словъ
Еврейскихъ Ветхаго Завѣта.
Въ перчаткѣ черной (кто бъ сказалъ,
Что нѣтъ руки въ ней?) онъ стоялъ
И лѣвою писалъ съ разсвѣта,
Обречь и статень, въ парикѣ
И молчаливомъ сюртукѣ.

IX.

Французскій авторъ здѣсь грѣховень
Порой казался — или пусть.
Но „Несмѣянѣ“ миль Бетховень;
Царить Вольфганга Гете бюсть
Въ дѣвичьей келли. Марлинскіи
Забуть; но перетень Бѣлинскіи
(Съ Виссаріоновой сестрой
Она знакома). Прежній строй
Въ душѣ другимъ смѣнился строемъ.
Открыта свѣжая тетрадь,
Гдѣ новыхъ рнемъ лихая рать
Располагается постоемъ, —
Набѣгъ поэтовъ старины,
Что намъ—священны плъ смѣшны.

Х.

Рѣшилось. Видно, вѣкъ дѣвицей
Ей вѣковать, не обрѣтя
По нраву мужа. Хоть Жарь-Птицей
Пылаетъ сердце, — не шутя,
„Александрину“ Генріета
Все дразнить „рыбой“... Да и лѣта
Не тѣ... Но все-жъ въ монастырѣ бѣ
Спасаться ей, не въ этотъ склепъ
Живые схоронить восторги!
Заранѣ храмъ ей снился, — тотъ,
Гдѣ столько лѣтъ ея приходъ:
Въ немъ лучъ въ нее метнулъ Георгій;
Подъ жаломъ Божьяго посла
Она въ земную глубь вросла.

XI.

Настало Руси пробужденье.
Мать родилась февраля
Въ день девятнадцатый. Рожденье
Народной вольности земля
Въ тотъ день соборно править стала.
Всю жизнь молиться не устала
Родная о своемъ царѣ:
Заутра быть какой зарѣ!
Быль той молитвы сплавъ испытанъ
Въ горнилѣ медленныхъ надеждъ.
Въ послѣднихъ отблескахъ одеждъ
Златого дня и я воспитанъ...
Бароны жъ охали, дрожа, —
Въ тотъ день прощенный, — мятежа.

ХІІ.

Но ихъ родня — домохозяинъ,
Правитель князьихъ деревень
Отъ тундры до степныхъ окраинъ,
Благословлялъ желанный день, —
По-божьи опекунъ народный,
За мѣръ ходатай благородный...
И вотъ ужъ гладкій мавволей,
Ласкаемъ вѣтеркомъ полей,
Бавкиды прахъ, прахъ Филемона
Покрыль. Исчезли старики,
Чьи передъ смертью двойники
Близъ матери (— предвѣстье звона
Церквей, завѣшанныхъ сукномъ) —
Прошли въ видѣніи дневномъ.

XIII.

Мать у Большого Вознесенья
Самъ-другъ живетъ своимъ домкомъ —
Съ Татьянушкой... Какую тѣнь я
Изъ мглы времянь позвалъ тайкомъ!
Моей старушка стала няней;
И въ памяти разсвѣтно-ранней
Мерцаетъ обликъ восковой..
Киваетъ няня головой, —
А „возлѣ рѣчки, возлѣ моста“ —
Тамъ шелковà растеть трава...
Сѣдая никнетъ голова,
Очки поблескивають просто;
Но съ дѣтства я въ простомъ ищу
Разгадки тайной — и грущу.

XIV.

Съ Украйны дѣвущкой дворовой
Въ нѣмецкій домъ привезена,
Дни довлачивъ до воли новой,
Пошла за матерью она.
Считала мать се святою.
Ея Украйна золотою
Мнѣ снилась: вечерѣть даль,
Колдуеть по степи печаль...
А въ домикъ вдовый Генріетинъ
Супругъ довѣрчиво идетъ
И повѣсть грустную ведетъ,
Какъ оставался безотвѣтенъ
Призывъ души его больной,
Какъ онъ покинуть былъ женой.

XV.

Онъ холодно-свособыченъ.
И не похожъ ни на кого;
Какимъ-то внутреннимъ отличенъ.
Сознаньемъ права своего —
Безъ имени, безъ титуль обрядныхъ. —
На мѣсто межъ людей изрядныхъ.
Подъ пятьдесятъ; но сѣдны
Не видно въ бородѣ. Темны.
И долги кудри; и не страненъ
На важномъ ликѣ, вслѣдъ полосъ
Закинутаго, — огромный носъ.
Движеньемъ каждымъ отчеканенъ
Умъ образованный... Года? —
Но мать сама не молода.

XVI.

Нѣтъ! Сколько сороковъ трезвонять
По всей Москвѣ, ей столько лѣтъ.
И думы скорбныя хоронять
Давно дѣвическій расцвѣтъ, —
Хоть и щадятъ еще морозы
Осенній праздникъ пышной розы,
Какой чрезъ свѣтопись она
Моимъ очамъ сбережена...
Не долго плель отецъ мой сѣти:
Двухъ малолѣтнихъ сыновей
Разъ подъ вечеръ приводитъ къ ней
И молвить: „На колѣни, дѣти!
За насъ просите какъ-нибудь!“
И дѣти: „Намъ ты мамой будь..“

XVII.

Зоологическаго Сада
Чуть не за городомъ въ тѣ дни
Тянулась ветхая ограда.
Домишко старенькій они
Купили супротивъ забора,
За коимъ выла волчья свора
И въ щели допотопный рогъ.
Искалъ просунуть носорогъ.
Съ Георгіевскимъ переулкомъ
Тамъ Волковъ узенькій скрещень;
Я у Георгія крещень..
Какъ эхо флейтъ въ притворѣ гулкомъ
Земной тюрьмы, — не умирай,
Мой дѣтскій, первобытный рай!

ХVIII.

Межь оконъ, что въ предѣль Эдома
Глядѣли, было — помню я —
Одно слѣпос... О, поэма
Видѣній раннихъ бытія!
Волшебной жизнию живыя
Вещей загадки!.. Голубыя
На немъ подобія завѣсь
Оставилъ нѣкій Апеллесъ.
Звѣрямъ присвоеннаго рая
Служилъ преддверіемъ нашъ садъ:
Акацій старыхъ вижу рядъ,
Березу, — у воротъ сарая
Сѣдого дворника, какъ лунь,
Какъ одуванчикъ — только дунь!

XIX.

Въ ложбинѣ черной, надъ водами,
Оленьи видѣлъ я рога.
А за сосѣдними садами
Манили взрытые луга,
Гдѣ пролагался путь желѣзный.
Но первый сонъ, душѣ либезный,
Въ окнѣ привидѣвшійся сонъ —
Былъ на холмѣ зеленомъ слонъ.
Съ нимъ Персы, въ парчевыхъ халатахъ,
Гуляли важно... Садъ звѣрей
Предсталъ обителю царей,
Плѣненныхъ въ сказочныхъ палатахъ,
Откуда вспыхивалъ и меркъ
Хвостомъ павлиньимъ фейерверкъ.

XX.

Мечты ли сонны смѣшались
Съ воспоминашьемъ первыхъ дней?
Отзвучья ль древнія носились
Падъ колыбелю мою?
Почто я помню гладь морскую
Въ мерцаньи блѣдномъ — и тоскую
Не ночи той и парусамъ
Всю жизнь мою? — хоть (знаю самъ)
Та мгла въ лицо мнѣ не дышала,
Окна не открывалъ никто,
Шенча: „вотъ море“... и ничто
Сей грезы чуждой не внушало.
Лишь поздно очи обрѣли
Такую ночь и корабли.

XXI.

Но, вѣрно, былъ тотъ вечеръ тайный,
Когда, дыханье затая,
При тишинѣ необычайной,
Отецъ и мать, и съ ними я,
У оконъ, въ замкнутомъ покоѣ,
Въ пространство темноголубое
Уйдя душой, какъ въ нѣкій сонъ,
Далече осязали — звонъ...
Они прислушивались. Тщетно
Ловилъ я звучную волну:
Всколеблетъ что-то тишину —
И вновь умолкнетъ безотвѣтно...
Но съ той поры я чтить привыкъ
Святой безмолвія языкъ.

XXII.

Еще стариннѣй эхо ловить
Душа въ кладбищенской тиши
Дѣдала дней, — хоть прекословить
Разсудокъ голосу души.
Ужель къ сознанью духъ проснулся
Еще въ тѣ дни, какъ я тянулся
Родной навстрѣчу, изъ дверей
Внесенъ кормилицей моей
Куда-то, въ свѣтъ, гдѣ та сидѣла?..
Стоить береза, зелена:
Глянѣ, птичка тамъ — какъ макъ, красна!
Высоко гостя залетѣла,
Что мнѣ дарила млечный хмель! —
Ты на березѣ, алый Лель!

XXIII.

Быть может, мать не умолчала,
Былое счастье свята,
Какъ встарь отъ груди отлучала
Золотокудрое дитя.
Но межъ обмановъ путеводныхъ,
Какими насъ въ степяхъ безводныхъ
Вожди незримые ведутъ,
Быль первымъ алыи тотъ лоскутъ,
Миражъ улыбчивой утраты,
Посуль волшебный, что въ Эдемъ
Уходить все родное, чѣмъ
Недавно были мы богаты, —
Въ Эдемъ недвижимый, гдѣ вновь
Обрящемъ древнюю любовь...

XXIV.

Цѣла ли связка писемъ милыхъ,
Такъ долго недоступныхъ мнѣ, —
Что мой отецъ въ поляхъ унылыхъ
Писалъ беременной женѣ, —
Гдѣ, въ благодарномъ умиленѣ,
Увядшей жизни обновленье
Онъ славилъ, скучный клялъ урокъ
И торопилъ свиданья срокъ?..
Но съ той поры, какъ я родился,
На цѣль и циркуль спроса нѣтъ:
Въ уединенный кабинетъ
Онъ сѣлъ, отъ міра заградился
И груду вольнодумныхъ книгъ
Межъ Богомъ и собой воздвигъ.

XXV.

И все въ дому пошло неладно:
Мать говорлива и жива;
Отецъ угрюмъ, разсѣянъ, жадно
Впиваетъ мертвыя слова —
И сердце женское ихъ ложью
Замыслилъ уклонить къ безбожью.
Напрасно! Бредитъ Чарльзъ Дарвинъ!
И гдѣ причина всѣхъ причинъ,
Коль не Предвѣчный создалъ атомъ?
Апогеоза протоплазмъ
Внушаетъ матери сарказмъ.
„Признать орангутанга братомъ —
Вотъ вздоръ!..“ Мрачнѣй осеннихъ тучъ,
Онъ запирается на ключъ.

XXVI.

Завѣтный ключъ! Онъ съ бранью тычетъ
Его въ замокъ, когда сѣдой
Стучится батюшка и причеть —
Домъ окропить святой водой.
Вы, Бюхнеръ, Мошоттъ и Штраусъ,
Товарищи недѣльныхъ паузъ
Пиеагорейской тишины,
Одни затворнику вѣрны, —
Пока безмолвія твердыня,
Веселостью осаждена,
Улыбкамъ женскимъ не сдана...
Такъ тайна Божья и гордыня
Боролись въ алчущемъ умѣ.
Отецъ мой былъ не sieug Nomais!*)

*) Знаменитый вольнодумецъ-антекаръ изъ романа Флѳера „Госпожа Бовари“.

XXVII.

Но — вѣка сынъ! Шестидесятыхъ
Годовъ земли російской типъ;
„Интеллигентъ“, сирѣчь „проклятыхъ
Вопросовъ“ жертва — иль Эдинъ...
Быть можетъ, искреннѣй, народнѣй
Иныхъ — и въ глубинѣ свободнѣй...
Онъ всеобщей, отъ раннихъ лѣтъ,
Любилъ „вечерній тихій свѣтъ“.
Но ненавидѣлъ суевѣрье
И всяческій клерикализмъ.
Здоровый чтилъ онъ эмпиризмъ:
Питай лишь мать къ нему довѣрье,
Законъ огня раскрылся бѣ мнѣ,
Когда бѣ я пальцы сжегъ въ огнѣ.

XXVIII.

Я три весны въ раю, и Змія
Не повстрѣчалъ; а между тѣмъ
Завѣсы падаютъ глухія
На перевозанный мой Эдемъ.
Простите, звѣри! Заповѣданъ
Мнѣ край чудесъ, хоть не отвѣданъ
Еще познанья горькій плодъ:
Скитанье дальнее зоветъ.
Пенаты, въ путь!... Прудъ Патріаршіи
Сверкнулъ межъ четырехъ аллей.
Обитель новая, лелѣи
Святого дѣтства обликъ старшій,
Пока таинственная смерть
Мнѣ испломъ не одѣнетъ тверды!

XXIX.

И міру новому сквозь слезы
Я улынулся. Дворъ въ травѣ;
Отъ яблонь тѣнь, тѣнь отъ березы
Скользятъ по мягкой муравѣ.
Рѣшетчатой охваченъ клѣткой
Съ цвѣтами садикъ и съ бесѣдкой
Изъ пестрыхъ стеколъ. Намъ пора —
Въ зеленой глубинѣ двора.
Отецъ въ Контрольную Палату
Съ портфелемъ ходитъ. И расту.
Какъ живописецъ по холсту,
Такъ по младенческому злату
Воспомяненье—чародѣи
Бросаетъ краски—все живѣи.

XXX

Отцовскій ликъ душа находить:
Стоять, вклокочены, власы;
А карандашъ въ рукѣ выводитъ
Рисунка дѣтскаго красы:
И тянется бумажной степью
По рельсамъ поѣздъ; длинной цѣпью
Онъ на колесикахъ катить;
Метлой лохматой дымъ летить.
Стихи я слышу: какъ лопата
Желѣзная, отважный путь
Врѣзая въ каменную грудь,
Изъ нѣдръ выносить мѣдь и злато, —
Какъ моетъ гдѣ-то желтый Ниль
Ступени каменныхъ могилъ, —

XXXI.

Какъ зыбью синеи Океана,
Лишь звѣзды выдохнуть въ небесахъ,
Корабль безлюдный изъ тумана
На всѣхъ несетя парусахъ..
Словъ странныхъ наговоръ пріятенъ,
А смыслъ тревожно-непонятенъ;
Такъ жутко нѣженъ стройный складъ,
Что все я слушать былъ бы радъ
Созвучья тайныя, вникая
Въ ихъ зовъ причудливой мечтой.
Но чудо и въ молвѣ простой,
Залетной бабочкой сверкая,
Сквозить... Увижу ль, какъ уену,
Я „франко-прусскую войну“?..

XXXII.

Большой Театръ! Я въ эмпирен
Твой восхищенъ, радость глазъ!
Гуль, помоць, алая ливрей,
Пылающій и душный газъ;
Отъ блесковъ люстры до партера
Вертящаяся въ искрахъ сфера,
Блаженствъ воронка, рая кругъ...
И чаръ посуль — узывный звукъ
(Какъ рогъ пастушій, что улыбкой
Златого дня будиль мой сонъ) —
За тайной лавровъ и колоннъ,
Живыхъ на занавѣси зыбкой...
Взвилась: я въ нѣгахъ утопуль,
Какъ-будто солнца захлебнуль.

XXXIII.

Въ Музей я взять — и брежу годы
Все небылицы про Музей:
Объяты мракомъ переходы,
И въ нихъ, какъ бѣлый мавзолей,
Колоссъ сидящій — „Моисей“...
Воображенье въ сѣнь Музея
Рогатый ликъ перенесло,
Съ нимъ память плавкую слило.
Въ „Картинахъ Свѣта“*) списанъ демонъ,
Кого не мертвой глыбой мнилъ
Ваятель, Ангелъ Михаилъ.**)
Богъ вѣсть, сковалъ мнѣ душу чѣмъ онъ.
И чѣмъ смутилъ; но въ ясный міръ
Вселился двойственный кумирь.

*) Старинный альманахъ.

***) Микель-Анджело.

XXXIV.

Везеть на лѣтнія гостины
Меня въ усадьбу мать, къ роднѣ;
Но стерлись сельскія картины,
Какъ пятна грифеля, во мнѣ.
Дать сахаръ въ зѣвъ Шарò не смѣя,
Рòняю дань. Какъ два пигмея,
Кузэны, взрослые въ игрѣ,
Мельтешать на крутой горѣ.
Тѣ впечатлѣнныя — крутосклонный
Зеленый горбъ, да черный песъ —
Вотъ все, что я домой привезъ,
Гдѣ ждаль меня мой конь картонный
И ржаньемъ встрѣтилъ сѣдока,
Гдѣ мучила отца тоска —

XXXV.

И страхъ томилъ: бродили стуки,
Все въ домѣ двигалось само...
Безплотныя въ потемкахъ руки
Его касаются... Ярмо
Неотвратимаго удѣла
Надъ матерью отяготѣло...
Еще ходить на службу могъ,
Но чахъ отецъ, слабѣлъ — и слегъ.
„Нить скоро Парка перерѣжетъ“ —
Пророчать измѣненный ликъ,
Мелькнувшій за окномъ двойникъ,
Желѣзный надъ постелью скрежетъ.
Въ накатѣ ищутъ, межъ стропиль —
Когтей таинственныхъ и пиль.

XXXVI.

Не зналъ я ни о чемъ: обитель
Невинныхъ сновъ была ясна.
Но сталъ у ложа Посѣтитель
И будить отрока отъ сна.
И вдругъ, раскрывъ широко очи,
Я отличилъ отъ мрака ночи
Тѣнь старца. Былъ на черномъ опъ
Отчетливо отображенъ,
Какъ-будто вычерченъ въ агатѣ
Искусной рѣзчика иглой...
Тотъ образъ, съ вѣчною хвалою,
И нынѣ, на моемъ закатѣ,
Я — въ сердцѣ врѣзанный — храплю
И друга тайнаго маню.

XXXVII.

О, гость младенческих пожинок,
Блюститель горній райских жатвъ!
Кто былъ ты, странный? Русскій инокъ?
Иль братъ иныхъ обѣтныхъ клятвъ?
Въ скуфьѣ, съ бородкой, въ рясѣ черной
Въ меня вперя взглядъ упорный,
О чемъ пророчески грустилъ?
Что дальнимъ днямъ благовѣстилъ?
Напутствовалъ на подвигъ темный
Ты волю темную мою?
Икону ль кроткую свою
Въ душѣ мятежной и бездомной
Хотѣлъ навѣкъ отпечатлѣть,
Чтобъ зналъ бѣглець, о чемъ жалѣть, —

XXXVIII.

Чтобъ о родимой Ойваидѣ,
Кто въ мѣръ шагнулъ, за скитскій тынъ,
И лика Божія отыде, —
Вспомнилъ въ день свой, блудный сынъ?..
Глядѣлъ я долго на монаха —
И, схваченъ судорогой страха,
Вскричалъ, какъ тонущій. И сирѣ,
Какъ плачь родившагося въ мѣръ,
Быть крикъ земной. Родная ласка
Меня покрыла. Любо мнѣ.
„Приснилось что?“ — „Нѣтъ, не во снѣ
Его я видѣлъ.“ — „Али сказка
Помнилась?“ — „Нѣтъ, онъ живъ.“ —
„Но кто жъ
Твой старичекъ? И съ кѣмъ онъ схожъ?“

XXXIX.

Въ скуфьѣ владыку Филарета,
Святыхъ показываетъ мать:
Иконы нѣтъ, и нѣтъ портрета,
Гдѣ бѣ глазъ мой сходство могъ поймать
Съ ночнымъ, невѣдомымъ пришельцемъ:
Одинъ я остаюсь владѣльцемъ
Нежуткой тайны чертъ живыхъ,
Чужимъ очамъ заповѣдныхъ...
Дала страдальцу нежить роздыхъ,
Но завозились доктора.
Онъ ждетъ: весенняя пора
И чистый деревенскій воздухъ
Искуснѣй, чѣмъ волхвы наукъ...
День смеркнетъ, — въ гости ткачъ-паукъ.

XI.

Проходить мать чрезъ всё мытарства,
Всегда притворно-весела.
Изъ комнаты — достать лѣкарства —
Метнулась разъ... и обмерла.
На креслѣ, въ сумракѣ гостиной,
Сидитъ отецъ, въ халатѣ; длинный
Наводитъ исподлобья взоръ
И мнетъ платокъ... Мать о коверъ
Споткнулась; а больной съ постели:
„Что тамъ?“ — и голосъ полнъ тревогъ.
„Я не ушиблась. Изъ-подъ ногъ
Шмыгнула мышь“... Но неужели
Обратный неизбѣженъ путь?
Какъ ей изъ спальни проскользнуть?

XLI.

Покой съ порога озираетъ:
Согбенъ, все тамъ же гость сидитъ,
Въ рукахъ платокъ перебираетъ
И прямо предъ собой глядитъ.
Скрѣпилась: мимо пролетѣла
И даже кресель не задѣла.
Съ больнымъ спокойно говорить;
За живость тотъ ее коритъ...
Неугомонный богоборецъ
Критическій затѣяль судъ
Съ эпохами, что миѳы ткутъ.
А мирликійскій чудотворецъ, —
Весь въ бисерѣ, въ шелкахъ цвѣтныхъ, —
Надъ нимъ склонился, другъ больныхъ.

XIII.

Февраль въ исходѣ. Вслухъ читаетъ
Разборъ Евангелія мать.
У изголовья Смерть витаетъ;
А мысль упорствуетъ внимать,
Пытаетъ, взвѣшиваетъ, мѣрять:
Бунтуетъ умъ, но сердце вѣрить.
Съ дремотой бдѣнье пополамъ
Смѣсилось. Тѣни по угламъ
Насторожились. Мать бормочетъ.
Озрѣвшись дико, вдругъ отецъ,
Трясаясь, вскочилъ... Ужель конецъ?..
Страхнуть какой-то облакъ хочетъ.
Гдѣ жъ онъ? — хрипитъ: „Не отпускай!..
Ушелъ!“ — „Кто, милый?“ — „Николай.“

XLIII.

Затихъ; прояснился; лепечеть:
„Утѣшься: вѣрую теперь.
Причастье душу мнѣ излѣчить.
Межъ тѣмъ какъ ты читала, въ дверь --
Я вижу, входитъ этотъ самый,
Что строго такъ глядитъ изъ рамы..
Ты вышивала?.. Тотъ же видъ!
Подносить Чашу и вслить
За нимъ причастное моленье
Твердить. Я началъ. Вдругъ меня
Покрыла сверху простыня.
И заметался я, въ томленьѣ
Но Чашѣ, — а его ужъ нѣтъ...
Шли за священникомъ, чуть свѣтъ!“

XLIV.

Христось приходитъ. Ожиданья
Ей не солгали. Долгій часъ
За дверью слышались рыданья,
Перерывавшія рассказъ
Души, отчаяньемъ язвимоіи,
Любовью поздною палимоіи
Къ Позвавшему издалика, —
И тихій плачь духовника...
Быль сѣрый день; игралъ я дома
И, бросивъ нехотя игру,
Безъ словъ былъ подведенъ къ одру.
Страдальца смертная истома
Снѣдала; потъ бѣжалъ рѣкой.
Онъ крестъ знаменовалъ рукой.

XLV.

Я помню сумракъ и чрезъ двери
Открытыя, въ гостиной, свѣтъ
И дымъ, какъ въ церкви. Я потери
Не чувствовалъ, хотъ зналъ, что нѣтъ
Межъ насъ отца, не будетъ снова:
Онъ тамъ, подъ серебромъ покрова,
Скрестивши руки, спитъ въ гробу,
Холодный, съ вѣнчикомъ на лбу...
Приѣхали изъ Института
Два брата: въ сборѣ вся семья.
Но старшаго не вижу я;
Другой, къ дверямъ приблизясь круто,
Какъ истуканъ, остолбенѣлъ,
И такъ на заревѣ темнѣлъ...

XI.VI.

Крѣпчая, неступь-валь качаетъ
Мой челюкъ: за моломъ плещеть ширь...
Мать новолѣтіе встрѣчаетъ, —
Гадаеть, разогнувъ Псалтырь:
„Въ семьѣ отца я, пастырь юный,
Былъ меньшимъ. Сотворили струнный
Псалтырionъ мой персты“...*)
— „Даръ пѣсенъ вѣще листы
Тебѣ пророчать“... Неразлученъ
Съ тѣхъ поръ съ душою ихъ завѣтъ:
Какъ будто потаенный свѣтъ,
Въ скудели полой, мнѣ порученъ, —
Дано сокровище нести...
Пора младенчества, прости!

*) Псаломъ CLI, 1 — 2.

XLVII.

Шесть всенъ... Видить у подножья
Высокой лѣстницы — во снѣ —
Мать духа тьмы и духа Божья
Въ бореньи трудномъ обо мнѣ...
Въ старинной церкви Спиридонья
Родимой тонкаго просонья
Являютъ новья струи
Просторъ пустынной солеи
И два по клиросамъ кумира:
Тутъ — ангелъ мѣднй, гость небесъ;
Тамъ — аггелъ мрака, мѣднй бѣсъ...
И два таинственные міра
Я научаюсь различать,
Пріемлю отъ двоихъ печать.

ХЪУІІІ.

Лобзаетъ вѣжды лучъ янтарный
И пишетъ „радость“ по стѣнѣ,—
И полнотою стѣтозарной
Вдругъ сердце замерло во мнѣ!
Все спитъ. Безлюденъ дворъ песчаный.
Бѣгу въ цвѣтникъ благоуханный.
Въ цвѣтахъ играютъ мотыльки,
Какъ окрыленные цвѣтки.
Впервые солнечная сила,
Какой не зналъ мой ранній рай,
Мнѣ грудь наполнила по край
И въ ней недвижно опочила...
Пробился ключъ; въ живой родникъ
Глядится новый мой двойникъ..

**Вступленіе и строфы I — XLV написаны
въ Римѣ, отъ 10 апрѣля по 23 мая 1913 г.;
строфы XLVI — XLVIII — въ Москвѣ,
28/15 августа 1918 г.**

КНИГИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА:

- Первая Пиѳійская Ода Пиндара. Переводъ размѣромъ подлинника (извлечено изъ журнала Минист. Народн. Просвѣщ. 1899 г. СПБ. (*Распродано*).
- De Societatibus Vectigalium publicorum populi Romani. Изд. Имп. Археологическаго Общества. СПБ. 1910.
- Кормчія Звѣзды. Первая книга лирики. СПБ. 1903. (*Распродано*).
- Прозрачность. Вторая книга лирики. Кн-во „Скорпіонъ“. М. 1904. (*Распродано*).
- Эросъ. Стихи. Изд-во „Оры“. СПБ. 1907. (*Распродано*).
- Сог Ардепс. Томъ I—II. Собрание стихотвореній. Кн-во „Скорпіонъ“. М. 1911. (*Распродано*).
- Нѣжная Тайна. Стихи. Изд-во „Оры“. СПБ. 1912. (*Распродано*).
- По звѣздамъ. Опыты философскіе, эстетическіе и критическіе. Изд-во „Оры“. СПБ. 1909. (*Распродано*).

Борозды и Межи. Опыты эстетическіе и критическіе. Изд-во „Мусагеть“. М. 1916. (*Распродано*).

Родное и Вселенское. Статьи. Кн-во Г. А. Лсмана и С. И. Сахарова. Москва. 1917 г.

Алкѣй и Сафо. Собраніе пѣснь и лирич. отрывковъ въ переводѣ разнѣрами подлинниковъ, со вступит. очеркомъ. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ (Памятники Міровой Лит.). М. 1914. (*Распродано*).

Младенчество. Изд-во „Алконость“. СПб. 1918.
